

составляетъ дѣйствительно преобладающее направление новой школы; съ другой—показана польза и этого направления. Но критикъ «Москвитянина» восклицаетъ патетически: «мы не спрашиваемъ, справедливо ли это или нѣтъ, но согласенъ ли съ убѣжденіями редактора и съ наставленіями, предложенными имъ къ его статьѣ? Думаетъ ли онъ, что, смотря по времени, литература можетъ изображать и темныя, и свѣтлыя стороны дѣйствительности, т. е. быть правдивою; можетъ также изображать однѣ отрицательныя стороны, то есть клеветать? Полагаетъ ли онъ, что привычка отыскивать одни пороки и поносить людей способствуетъ развитію безпристрастія и справедливости?» Въ этихъ словахъ отозвалось рѣшительное отсутствіе живого практическаго пониманія искусства. Критикъ «Москвитянина», мы увѣрены въ этомъ, человѣкъ умный и начитанный, который знаетъ всевозможныя теоріи и системы искусства, особенно нѣмецкія. Это бесспорно очень хорошо; но одного этого еще очень мало для дѣйствительнаго пониманія искусства; для этого прежде всего и больше всего нужно то врожденное эстетическое чувство, тотъ инстинктъ, тотъ тактъ изящнаго, которые обнаруживаются не въ теоріи, а въ ея критическомъ приложеніи къ произведеніямъ искусства. Мы еще обратимся къ этому вопросу и покажемъ, въ какомъ отношеніи находится къ нему критикъ «Москвитянина»; а теперь покажемъ, какъ мало истины въ его словахъ. Ему кажется рѣшительной нелѣпостью, чтобы литература, смотря по времени, отличалась то тѣмъ, то другимъ исключительнымъ направлениемъ. А между тѣмъ это всегда такъ было и будетъ; доказательства можно найти въ исторіи каждой литературы. Изображать однѣ отрицательныя стороны жизни—вовсе не значить клеветать, а значить только находиться въ односторонности; клеветать же значить взводить на дѣйствительность такія обвиненія, находить въ ней такія пятна, какихъ въ ней вовсе нѣтъ. Давать клеветѣ другое значеніе—тоже значить клеветать... не на клевету, разумѣется, а на людей не нашего прихода... Находить въ людяхъ тѣ пороки, которые въ нихъ дѣйствительно есть, не значить поносить ихъ: поношеніе въ самихъ порокахъ, и кто пороченъ, тотъ поносить самъ себя... Привычка отыскивать дѣйствительно существующее очень близка къ привычкѣ отыскивать истину, а это, разумѣется, способствуетъ развитію безпристрастія и справедливости...

Противорѣчій между статьей Никитенко и статьей Бѣлинскаго критикъ «Москвитянина» находитъ такую бездну, что даже отказывается на все указывать, а избираетъ

самыя разительныя. «Редакторъ (говоритъ онъ) нападалъ сильно на карикатурныя изображенія помѣщиковъ и деревенскаго быта; критикъ въ числѣ замѣчательныхъ стихотворныхъ произведеній прошлаго года упоминаетъ о разказѣ подъ заглавіемъ «Помѣщикъ» (въ «Отечественныхъ Запискахъ»). Дался же славянофиламъ этотъ «Помѣщикъ!» Вотъ уже скоро два года, какъ было напечатано (въ «Петербургскомъ Сборникѣ» Некрасова, а не «Отечественныхъ Запискахъ») это стихотвореніе Тургенева, а они до сихъ поръ не могутъ отъ него прийти въ себя. Съ того времени и до сей минуты все толкуютъ о немъ. Увѣряютъ, что это произведеніе ничтожное, карикатура, что оно бездарно, плохо; кажется, стоило ли бы обращать на него вниманіе? А между тѣмъ они все продолжаютъ изъ-за него волноваться и выходить изъ себя... Обращаясь къ противорѣчію, спросимъ критика «Москвитянина»: на какомъ основаніи вообразилъ онъ, что Никитенко, говоря о карикатурныхъ изображеніяхъ помѣщиковъ, мѣтилъ именно на пьесу Тургенева? Ужъ не на основаніи ли ея заглавія, такъ положительно указывающаго на помѣщика, что и ошибиться нельзя? Въ такомъ случаѣ намъ остается только удивиться тонкой проницательности критика «Москвитянина»... «Редакторъ (продолжаетъ онъ) строго осуждалъ направление тѣхъ писателей, которые созидаютъ такъ-называемые народные характеры изъ грязи, ломотьевъ, квасу, шей и кулаковъ русскаго человѣка, а критикъ восхваляетъ повѣсть подъ заглавіемъ «Деревня» (въ «Отечественныхъ Запискахъ»), которая создана именно по этому рецепту.» Опять то же! Критику «Москвитянина» кажется, что повѣсть «Деревня» создана по этому рецепту, и этого ему достаточно для убѣжденія, что и Никитенкѣ кажется то же... Но здѣсь мы остановимся и отъ частности перейдемъ къ общему вопросу—къ вопросу о натуральной школѣ, которая съ такимъ живымъ участіемъ и вниманіемъ принята публикой и съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуется двумя литературными партіями—неестественной или риторической, состоящей изъ отставныхъ беллетристовъ, и славянофильской. Намъ очень непріятно, что мы должны повторять то, что уже не разъ было говорено нами: но что жъ намъ дѣлать, если противники натуральной школы, безпрестанно нападая на нее, твердятъ все одно и то же, не умѣя выдумать ничего новаго?

Объ эти партіи большей частью согласны въ ихъ нападкахъ на натуральную школу, хотя и по разнымъ побужденіямъ; ихъ доводы, доказательства, даже тонъ—почти одинаковы; но только въ одномъ онѣ суще-